

УДК 94(47).027

**К СЛОЖЕНИЮ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА
ВОЛЖСКИХ БУЛГАР В ЛЕТОПИСАНИИ**

© 2018 г.

А.В. Лаушкин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

laushkin@list.ru

Поступила в редакцию 01.06.2019

Автор не находит достаточных оснований для недоверия известию Типографской летописи о нападении волжских булгар на Ярославль в начале 1150-х гг. и полагает, что это событие могло способствовать возникновению негативного образа булгар в Суздальской земле.

Ключевые слова: древнерусское летописание, булгары, образ другого.

Негативный образ волжских булгар появляется в летописании Суздальской земли при князе Андрее Боголюбском. Самое раннее отраженное его известие сохранилось в Лаврентьевской летописи под 6672 г. В целом этот новый образ строился по половецкому «шаблону» (использование в описании событий лексики этноконфессионального размежевания и провиденциальных ремарок) [1, с. 113–118].

Отметим, что исторические обстоятельства возникновения этого образа отличались от ситуаций, в которых к исходу XI в. оформился аналогичный образ половцев, а в XIII в. сложатся сходные образы литвы и монголов. В отличие от перечисленных народов булгары начали изображаться мрачными тонами в период, когда инициатива военного конфликта с Русью, по летописным данным, находилась отнюдь не в их руках. Разумеется, механизмы появления негативных образов соседей на Руси домонгольского и раннего монгольского времени обязательно должны были быть однотипны. И, тем не менее, обращающая на себя внимание «нетипичность» случая с волжскими булгарами требует объяснения.

Представляется, что у поставленной задачи могут быть два решения.

Первое, в свое время предложенное И.Г. Коноваловой, заключается в том, что основной предпосылкой «очернения» булгар стали не исторические события, а идеологическая программа Андрея Боголюбского, которому в рамках его курса «на превращение Владимира в общерусский политический и религиозный центр» «среди прочего нужен был достойный внешний враг» [2, с. 78–81].

Второе решение, упирающееся в практически полное отсутствие соответствующих данных для первой половины и середины XII в. (т.е. для времени до появления в сохранившихся

памятниках ясных признаков регулярного летописания на северо-востоке Руси), сводится к тому, что формирование негативного образа булгар могло иметь не только идеологические, но и некие исторические причины и началось еще до эпохи князя Андрея.

Для оценки приемлемости второго решения, которое позволило бы более органично вписать случай с булгарами в историю развития книжных представлений о недружественных соседях Руси, важное значение имеет вопрос о достоверности известия о нападении булгар на Ярославль, читающегося под 6660 г. в Типографской летописи (далее – *Tun*) начала XVI в. и в более позднем Пискаревском летописце [3, с. 77; 4, с. 75]. Начиная с А.А. Шахматова, исследователи русского летописания видели в этом известии (как и в некоторых других чтениях *Tun*) реликт древней ростовской (А.А. Шахматов [5, с. 286, 290–293], М.Д. Приселков [6, с. 119–120], А.Н. Насонов [7, с. 119–122, 128–130], Ю.А. Лимонов [8, с. 31]) или суздальской (Н.Н. Воронин [9, с. 28–29, 38]) традиции, не воспринятый владимирскими сводами. Я.С. Лурье, отметив общую «бедность» ростовского летописного материала, оказавшегося в руках составителя *Tun*, также не выразил скепсиса по поводу оригинальных чтений памятника и возвел их к «какой-то летописи», «где описывались события в древней Ростово-Суздальской земле» [10, с. 215–217]. С доверием к рассказу *Tun* об осаде булгарами Ярославля отнеслись и многие историки [см.: 11, с. 96–97].

Напротив, сомнение в его достоверности высказал А.А. Кузнецов. Он предположил, что рассказ был с некой целью «сконструирован» при создании *Tun*, и привел в обоснование своей позиции две группы аргументов — текстологические и исторические [11, с. 94–96].

Текстологические аргументы исследователя состоят в том, что в основу изучаемого известия были положены три других летописных известия: читающееся во многих летописях под «соседним» 6659 г., но отсутствующее в *Tun* описание удачных действий *ладей* Изяслава Мстиславича против Юрия Долгорукого и его союзников под Киевом; известие Новгородской первой летописи (*НЛ*) под 6657 г. о противостоянии новгородских данщиков и людей князя Ивана Берладника, которые также действуют «в лодиях»; и, наконец, известие Повести временных лет (*ПВЛ*) под 6476 г. об осаде Киева печенегами (присутствующее и в *Tun*). Что касается первого рассказа, то его роднит с известием *Tun* о булгарах только упоминание *ладей*, а отсутствие этого рассказа в *Tun*, которое представляется А.А. Кузнецову признаком его использования и переосмысления при создании «ярославского» сюжета, естественнее объяснить общей тенденцией *Tun* к сокращению своих источников. Переключку второго, новгородского, известия с рассматриваемым сообщением *Tun* также надо признать минимальной: она и в этот раз, по сути, сводится к упоминанию *ладей*, а также, быть может, к указанному А.А. Кузнецовым мотиву «малости» одной из сторон противостояния («идоша даньници... в малѣ» – «малѣ градокъ»). Два других возможных пересечения, отмеченных исследователем, – о нахождении обороняющихся «на острове» и о получении ими помощи из «метрополии» (Новгорода и Ростова) – при внимательном рассмотрении оказываются несуществующими. *Tun* отнюдь не говорит, что Ярославль стоит на острове, а только сообщает, что болгары «остоупиша градокъ в лодияхъ», новгородцы же в *НЛ* не получают помощь из Новгорода, а идут в атаку своими силами: «а они [люди Берладника. – А.Л.], противу ставше, начаша городъ чинити въ лодьях; идоша новгородьцы к нимъ на третии день, и бишася» [12, с. 28, 215]. Совсем иное дело – третья возможная параллель, указанная А.А. Кузнецовым. Известие *Tun* действительно демонстрирует сильную текстологическую зависимость от рассказа о печенегах под 6476 г. в Начальном своде и в *ПВЛ* (курсивом показаны совпадающие места): «Того же лѣта *приидоша* болгаре по Волзѣ къ Ярославлю безъ вѣсти и *остоупиша* градокъ в лодияхъ, бѣ бо малѣ градокъ, и *изнемогаху* людие въ градѣ *гладомъ* и *жажею* [в основных списках *ПВЛ*: водою; в *НЛ*: жажею], и не бѣ лзѣ никому же *изити* [в *ПВЛ*: вылѣсти] *изъ града* и *дати* [в *ПВЛ*: послати] *въсть* ростовцемъ. *Единъ* же *оуноша* [в *ПВЛ*: отрокъ] отъ людей Ярославскихъ *нощию изшедъ изъ града, перебредъ* [в *ПВЛ*: побреде]

рекоу, вборзѣ доѣха Ростова и сказа [в *ПВЛ*: рече] *имъ* болгары *пришедша*. Ростовци же *пришедша побѣдиша* болгары» [12, с. 118–119; 13, стб. 65–67; 14, стб. 53–55]. Однако доказывают ли эти совпадения именно позднее происхождение известия *Tun*? Позволим себе усомниться в этом, поскольку и в домосковское время древнерусские книжники практиковали подобные немаркированные заимствования из более ранних русских или переводных текстов (включая библейские). Вслед за А.А. Кузнецовым обратим внимание и на такой нюанс: и в *Tun*, и в ее основном источнике, Московском летописном своде конца XV в., в рассказе о печенегах под 6476 г. читается оборот не «гладомъ и жажею» (как, судя по *НЛ*, было в Начальном своде и есть в некоторых других летописях), а «гладомъ и водою» [15, с. 354]. Это, по крайней мере, указывает на то, что составитель известия о булгарах под 6660 г. опирался не на основной источник *Tun*. Таким образом, нам представляется, что весомые текстологические аргументы в пользу позднего происхождения известия о нападении болгар на Ярославль приведены не были.

Как обстоит дело с историческими аргументами? А.А. Кузнецов пишет, что вопреки известию *Tun* ярославцы не могли изнемогать от жажды, находясь рядом с реками (Волгой и Которослью). Однако, во-первых, оборот про жажду восходит к известию 6476 г. из Начального свода, и, значит, такой же упрек в недостоверности сведений можно адресовать и киевскому летописцу XI в., писавшему про город на берегах Днепра и Почайны; во-вторых, вполне логично, что осажденным перерезан доступ к рекам, и положение с питьевой водой в городе становится в зависимость от наличия колодцев и их продуктивности. Другое сомнение А.А. Кузнецова связано с тем, что, по его мнению, невозможно сочетать сообщение о спасении Ярославля подоспевшими «ростовцами» с читающимся рядом известием, что Юрий Долгорукий ходил на Чернигов, взяв с собой тех же «ростовцев» и «соуждалцев»: «Если этот поход состоялся до болгарского набега, то какими силами ростовцы отбивали нападение болгар?.. Если нападение на Ярославль состоялось до похода к Чернигову, то почему *Tun* умалчивает о роли князя в отражении врага, о его ответных мерах?». Черниговский поход Юрия состоялся, скорее всего, в конце лета – осенью 1152 г. [16, с. 280]. Трудно предположить, что, отправляясь в поход, князь не оставлял часть людей, способных держать в руках оружие, для защиты городов. Если же болгары приходили еще до этого похода, то «ростовцы» должны были быть

на месте в полном составе. В этом случае и вправду сложнее объяснить, почему в событиях не участвовал сам Юрий, но зато гораздо проще – почему это известие, невольно бросающее на князя тень и выставляющее в героическом свете ростовцев, не попало во владимирскую летопись XII в. с ее нередким скепсисом по отношению к «старым городам» Ростову и Суздалью. Однако на то же самое можно посмотреть и иначе. Если допустить, что анализируемое известие на самом деле восходит к древним ростовским записям, то остается вопрос, по какому стилю оно было первоначально датировано годовым номером 6660? Если по ультрамартовскому, то поход болгар должен был состояться не в 1152, а в 1151 году – одним из самых горьких в биографии Юрия. Тогда все теплое время года (когда только и могли ходить по Волге ладьи) он провел на Юге, терпя одно поражение за другим. И это создавало весьма удобные условия для болгарского набега – кому бы ни принадлежала изначальная идея совершить его: самим болгарам или русским врагам суздальского князя (которые в 1149 г. уже доходили до Ярославля с другого конца Волги [12, с. 28; 14, стб. 371]).

Косвенные подтверждения историчности известия *Tin* принесли новейшие археологические исследования в Ярославле. В частности, было установлено, что в XII в. он хотя и имел мощные укрепления, но действительно представлял собой «маль градок» – площадью всего 1–1.5 га. Располагалась же крепость на самой оконечности стрелки Волги и Которосли и, таким образом, болгары вполне могли «обступити» ее в своих судах [17, с. 29, 40–44; 18, с. 53–68].

Как видим, на сегодняшний день отсутствуют препятствия, чтобы допустить, что в *Tin* под 6660 г. до нас дошло свидетельство о реальном историческом факте русско-болгарских отношений. Но если дерзкий рейд восточных соседей-иноверцев в самое сердце Суздальской земли действительно состоялся, да еще в столь тяжелый для Юрия период его политической жизни (в 1151 или 1152 г.), то это событие могло серьезно повлиять на восприятие волжских болгар в Суздальской земле. И не первым ли шагом к созданию будущего образа болгар как «новых половцев» было именно то, что автор сохранившегося в *Tin* известия нарочито использовал в качестве литературного образца для своего рассказа старинное известие о нападении на Русь печенегов – степных предшественников половцев и их «сродников» по измаилтянской семье народов [13, стб. 234]?

Принятые сокращения

АЕ – Археографический ежегодник.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

Список литературы

- Лаушкин А.В. Булгары как новые половцы: суздальская линия на карте древнерусской идентичности // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4. Четвертые Чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова: Материалы к международной научной конференции. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. С. 113–118.
- Коновалова И.Г. Древняя Русь и Волжская Булгария: торговля и политика в восприятии древнерусских летописцев // Восточная Европа в Средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Материалы к конференции. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 75–81.
- ПСРЛ. М., 2000. Т. 24.
- ПСРЛ. М., 1978. Т. 34.
- Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 374 с.
- Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. М.: Дмитрий Буланин, 1996. 325 с.
- Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 556 с.
- Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л.: Наука, 1967. 204 с.
- Воронин Н.Н. К вопросу о начале ростово-суздальского летописания // АЕ за 1964 год. М.: Наука, 1965. С. 19–39.
- Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука, 1976. 285 с.
- Кузнецов А.А. О достоверности сведения о набеге болгар на Ярославль в 1152 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. История. 2006. Вып. 2 (6). С. 94–102.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. – Л., 1950.
- ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.
- ПСРЛ. М., 1962. Т. 2.
- ПСРЛ. М., 2004. Т. 25.
- Карпов А.Ю. Юрий Долгорукий. М.: Молодая гвардия, 2006. 430 с.
- Археология древнего Ярославля: загадки и открытия / Авт.-сост. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2012. 291 с.
- Энговатова А.В. Новые данные о датировке фортификации древнего Ярославля (по материалам раскопок «Рубленный город II – 2008 г.» // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: К 60-летию Н.А. Макарова. М. – Вологда: Древности Севера, 2015. С. 53–68.

**ON THE EMERGENCE OF A NEGATIVE IMAGE
OF THE VOLGA BULGARS IN THE CHRONICLES***A.V. Laushkin*

The author does not find sufficient grounds for distrusting the testimony of the Typographical chronicle about the attack of the Volga Bulgars on Yaroslavl in the early 1150s and believes that this event could have contributed to the emergence of a negative image of the Bulgars in the Suzdal land.

Keywords: Early Rus' chronicles, Bulgars, image of the other.

References

1. Laushkin A.V. Bulgary kak novye polovcy: suzdal'skaya liniya na karte drevnerusskoj identichnosti // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vypusk 4. Chetvertye Chteniya pamyati akad. RAN L.V. Milova: Materialy k mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 2015. S. 113–118.
2. Konovalova I.G. Drevnyaya Rus' i Volzhskaya Bulgariya: trgovlya i politika v vospriyatii drevnerusskih letopiscev // Vostochnaya Evropa v Srednevekov'e: Kontakty, zony kontaktov i kontaktnye zony. XI Chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto: Materialy k konferencii. M.: IVIRAN, 1999. S. 75–81.
3. PSRL. M., 2000. T. 24.
4. PSRL. M., 1978. T. 34.
5. Shahmatov A.A. Obozrenie russkih letopisnyh svodov XIV–XVI vv. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1938. 374 s.
6. Priselkov M.D. Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv. M.: Dmitrij Bulanin, 1996. 325 s.
7. Nasonov A.N. Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka: Ocherki i issledovaniya. M.: Nauka, 1969. 556 s.
8. Limonov Yu.A. Letopisanie Vladimiro-Suzdal'skoj Rusi. L.: Nauka, 1967. 204 s.
9. Voronin N.N. K voprosu o nachale rostovo-suzdal'skogo letopisaniya // AE za 1964 god. M.: Nauka, 1965. S. 19–39.
10. Lur'e Ya.S. Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv. L.: Nauka, 1976. 285 s.
11. Kuznecov A.A. O dostovernosti svedeniya o nabege bulgar na Yaroslavl' v 1152 g. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Istoriya. 2006. Vyp. 2 (6). S. 94–102.
12. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov. M. – L., 1950.
13. PSRL. M., 1962. T. 1.
14. PSRL. M., 1962. T. 2.
15. PSRL. M., 2004. T. 25.
16. Karpov A.Yu. Yuriy Dolgorukij. M.: Molodaya gvardiya, 2006. 430 s.
17. Arheologiya drevnego Yaroslavl'ya: zagadki i otkrytiya / Avt.-sost. A.V. Engovatova. M.: IA RAN, 2012. 291 s.
18. Engovatova A.V. Novye dannye o datirovke fortifikacii drevnego Yaroslavl'ya (po materialam raskopok «Rublenyj gorod II – 2008 g.» // Goroda i vesi srednevekovoj Rusi: arheologiya, istoriya, kul'tura: K 60-letiyu N.A. Makarova. M. – Vologda: Drevnosti Severa, 2015. S. 53–68.